

ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ XXI ВЕКА*Л. ЛАНГЛЮА*

Предмет данной статьи – место философии в университете XXI века. Современный университет стоит на пороге радикальных трансформаций, которые уже сегодня проявляются (1) в возникновении новых педагогических практик, делающих акцент, прежде всего, на информационных технологиях. Их цель состоит в том, чтобы разнообразить и диверсифицировать традиционные формы обучения; (2) в разрушении дисциплинарных барьеров и факультетских структур с целью создания более открытого образования, интегрирующего различные уровни знания; (3) во включении университета в глобализационные процессы и в его участии в построении экономики, основанной на знаниях, что выражается, в частности, в осуществлении университетами экспертных функций, ставших одним из ключевых источников их дохода; (4) в изменении облика студенчества, выражающемся, например, в возникновении феномена «пожизненного обучения», в ликвидации возрастных ограничений на обучение в университетах, в появлении спроса на узкоспециализированное краткосрочное обучение, в возросшей интернационализации научных исследований и т.д.

Все эти изменения требуют переосмысления собственной функции университетским сообществом. В частности, университетские профессора – профессиональные философы, должны пересмотреть традиционные способы обучения своей «специальности», причем не только с точки зрения ее преподавания, но и с позиции особенностей распространения результатов научных и философских исследований в новых экономических условиях. Это тем более необходимо, что критическая направленность философии имманентна глобальной концепции знания, тогда как университет есть ее институциональное выражение. Очевидно, что простое следование моде и попытка адаптироваться к потребностям рынка без учета дисциплинарной специфики философского знания не обеспечит философии достойного места в университете XXI века.

Несколько уроков истории

История университета знает множество примеров того, как случайные явления препятствовали трансмиссии философского

знания, и в более широком контексте — *translatio studiorum*. И если философия в кантовском ее понимании, Задаваясь вопросом о сущности вещей, исходила из возможностей человеческого разума и потому могла претендовать на некоторую перманентность, то ее культурологические и политические суждения, иначе говоря, ее просветительский базис, напротив, никогда сами по себе ничем не были гарантированы и потому нуждаются в постоянном обосновании их легитимности.

Можно привести ряд примеров:

(1) Когда император Юстиниан в 529 г. закрыл философские школы в Афинах, чтобы укрепить религиозное единство Византийской Империи, были все основания полагать, что Запад окончательно отклонится от философии¹. Тогда именно Средний Восток принял как в ссылку в Сасанидскую Империю философов Дамаския, Симпликия, Прискиана Лидийского, Гермия, учения которых, сформировавшиеся под влиянием Аристотеля и неоплатонизма, были едва ли не единственной альтернативой греческой спекулятивной философии. По возвращении тремя годами позже на византийскую землю в анатолийском городе Харран они снова бросят семя философии, но свои плоды оно принесет еще не скоро. Фактически, как пишет Эмиль Брейер, «надо было дождаться конца XI века, чтобы прочувствовать на Западе реальное возобновление интеллектуальной деятельности»². Тот же Боэций, которого называют «последним из римлян», не завершил свой латинский перевод произведений Платона и Аристотеля, ограничившись лишь логическими сочинениями, хотя уже это является свидетельством влияния греческой мысли на философию первых десятилетий Средневековья.

(2) Благодаря исключительной плодovitости арабской культуры в процессе быстрой экспансии ислама Европа по-настоящему смогла установить отношения с этим живительным источником мудрости. Это должно нам напомнить о культурном и концептуальном долге Запада перед арабским миром. Итогом сражения при Пуатье в 732 г. н.э. стало не только возникновение препятствия для магометанской экспансии в Европу, но и задержка экспансии философской культуры, особенно жизнестойкой во всем средиземноморском бассейне и за его пределами. Известно, к примеру, что уже к концу IX века, благодаря переводу греческих текстов на древнесирийский язык христианами-нестерианцами, араб мог прочесть на собственном языке практически полное наследие Аристотеля (за исключением «Политики») с коммен-

тариями Порфирия, Аммониуса, Александра и Жана Филопона, а также некоторые из наиболее важных диалогов Платона (такие, как «Тимей», «Государство» и «Софист»). При этом христианской Европе эти тексты стали доступны на латыни только в XII столетии. Позже Аль Кинди, Аль Фараби, Авиценна и Аверроэс положили начало средневековой схоластике, благодаря которой Европа смогла переосмыслить греческое наследие.

(3) В XVIII столетии эта схоластическая традиция была обесцелена новыми формами жизни, выработанными в соответствии с цивилизационным идеалом, основанным на автономии человеческого разума. «Косности» знания, ставшего чисто книжным, была противопоставлена концепция философии, способствующей разрешению общечеловеческих вопросов. Кто-то выступал за упразднение университетов как оплота сугубо спекулятивного знания, другие чинили всяческие препятствия на пути распространения философии в народе. В конечном итоге, университетская философия становится подозрительной и противопоставляет себя тому, что можно назвать *популярной философией*, более эклектичной и коммуникативной.

Так, И. Кант разрабатывал концепт философии (*Weltbegriff*), который не предполагал ее сакрализации в университете³, а Фридрих Шлегель, в свою очередь, утверждал, что «все профессора должны быть практическими людьми, и вследствие этого философия никоим образом не принадлежит университету»⁴. После широкой философской дискуссии об университетской философии в немецком посткантианском идеализме Фихте, Гегеля и Шеллинга Шопенгауэр недвусмысленно высказался против университета, противопоставив независимость и свободу истинной философии чрезмерно конформистскому и зависимому учреждению. Существует немало исторических примеров, указывающих на то, что будущее философии в университете всегда неопределенно.

Насколько это единство философии и университета является необходимым? Порой мои студенты жалуются на то, что в рамках университетских курсов игнорируется практический и экзистенциальный аспекты философии. Университет действительно есть не только *conditio sine qua non* сохранения философии как курса о знании, но также условие ее возможного распространения в обществе. Еще до рассмотрения философии в качестве своеобразной «терапии», как формы жизни или как идеала, философия была обречена (и в этом состоит ее сильная сторона) обосновать себя прежде всего как форму знания, ведь она существует

не как частная наука со своим собственным методом, но как рефлексия, традиционно обращенная в сторону универсального и фундаментального — как бы это универсальное ни обозначалось: бытие, единое, благо, язык и т.п. Осмысливая их, философия стремится размышлять и над некоторыми вопросами частных наук в процессе всего человеческого опыта, сопротивляясь любым формам редукционизма, и только при этом условии философия может представлять в качестве этики, эпистемологии, онтологии, метафизики, политической философии, равно как и «смешивать вопросы» всех других наук во имя целостности знания.

Это парадоксальным образом принуждает философию по примеру других наук к специализации ее дискурсов, а также к продолжению всеобъемлющего анализа целокупности мира, который бросает ей постоянный и сущностный вызов.

Философия в университете завтрашнего дня: новые вызовы

Было бы ошибкой утверждать, что место философии в будущем образовательном и исследовательском пространстве может быть гарантировано тем имиджем, который философия приобрела в ходе своего многовекового развития. Напротив, как любая наука, философия вынуждена переосмысливать свою миссию и свое место в университете в каждую новую историческую эпоху.

Первая цель, которой должна задаться философия, имеет отношение к эволюции педагогических практик, используемых в учреждениях высшего образования. Актуальные процессы в современном университете указывают на то, что завтрашнее университетское образование станет более децентрализованным, оно в большей степени, нежели сегодня, будет направлено на индивидуальное продвижение студента, а в его основании будут лежать разнообразные способы трансляции знаний и новые формы взаимодействия между преподавателем и студентом. Это представляется дестабилизирующим фактором по отношению к современному университету, поскольку формы университетского образования существенно не менялись в течение вот уже почти 700 лет! Вместе с тем, классическая модель общения преподавателя со студенческой аудиторией, несомненно, останется, но она должна быть лишь одной из многих педагогических университетских практик.

Новые информационные технологии и развитие *e-learning* обязывают нас задать себе вопрос о новых способах передачи философского знания. Первой реакцией, возможно, будет ис-

пуг: «Как?! Преподавать философию дистанционно: вы сошли с ума!». На самом деле, есть основания спросить себя, не рискуют ли методики преподавания, опирающиеся на информационные технологии, свести на нет диалог преподавателя и студента. Сколько на самом деле студентов в аудитории из 50 — 100 человек по-настоящему включены в дискуссию и вступают с преподавателем в личный диалог, который в значительной мере способствует их образованию? Некоторое время назад профессора факультета философии университета Лавала (Канада, Квебек) поставили эксперимент: после каждого занятия в аудитории они предлагали студентам подискутировать по рассматриваемому вопросу на веб-сайте, посвященном данному курсу; так, абсолютное большинство среди них приняли участие в этом обмене мнениями в более свободном контексте, нежели в формальных аудиторных условиях. В начале каждого курса профессор вывешивал на сайте для ознакомления вводные тезисы и, исходя из того, что именно вызывало наибольший интерес, инициировал дискуссию на соответствующую тему.

На самом деле мы лишь начинаем изучать возможности бимодального, или дистанционного образования. Представьте себе какого-нибудь соотечественника, который, находясь в 150 км от ближайшего университета, желает получить базовое философское образование. Должны ли мы лишать его такой возможности? Мой собственный опыт последних лет убеждает меня в том, что те, кто получает образование дистанционно, не менее требовательны, чем те, кто занимается в аудиториях.

Однако необходимо выработать «язык» или типы взаимодействия, которые позволят этой образовательной методике придать сущностный диалектический характер философскому образованию. Другими словами, речь идет о том, чтобы понять, может ли дистанционное образование не только быть простым способом передачи информации, но и создать такие сферы обмена, которые необходимы для истинного воспитания духа (*Bildung*). Этим вопросом нельзя пренебрегать. Университет Кенигсберга, в котором преподавал Кант, насчитывал в целом всего около 300 студентов. Массовый университет, который сформировался у нас на глазах за последние 50 лет, насчитывает зачастую более десятка тысяч студентов, и он пытается еще более широко распространять знания, что само по себе хорошо. Вопрос в том, как философия сможет достучаться до такого постоянно возрастающего числа студентов, а также привить им способность к строгой и автономной мысли.

(2) Философия имеет некоторое незначительное преимущество по сравнению с другими научными дисциплинами, а именно — «пористость» во всех областях философского интереса. Философия как бы наводит мосты между знаниями, напоминает о том, что человеческое существование, как индивидуальное, так и общественное, охватывает все пространство символических значений, пространство истины, морального блага, области выражения и эстетики, а также о том, что ни одна из этих сфер не может существовать, не порождая серьезных патологий и диспропорций.

Требование этического образования, ставшее актуальным в течение последних 15 лет, красноречиво свидетельствует о необходимости для наук открыться глобальной рефлексии, которая позволит осмысливать всю совокупность их практик. Наша забота о выживании планеты делает актуальными не только различные климатологические, геофизические, биоморские, скандинавские исследования, но и глубокое размышление об историческом взаимодействии человека и природы, о нашей ответственности перед будущим человечества: эти темы не подвластны частным наукам и потому делают необходимым философский анализ.

Наиболее значимые цели современной демократии и гражданственности, противопоставленные как никогда вопросу об отношении к разнообразию выбора стилей жизни, находятся вне зоны ответственности юридических и социальных наук. Они, конечно, могут подвергнуться анализу эти феномены, но не в состоянии размышлять с помощью собственных методов о рациональных принципах справедливого и хорошо организованного общества. Социальная и политическая философия должна провести здесь настоящую концептуальную работу. Короче говоря, именно этот лейтмотив, столь часто провозглашаемый в рамках концепции междисциплинарности, мог бы действительно стать единственным шансом выжить для философии. Только в конце XIX века впервые в истории эта необходимость в «смешанной», множественной, диверсифицированной рефлексии поставила под вопрос судьбу этой науки, которая была гениально описана Максом Вебером при помощи концепта «*Zweckrationalität*». Философия должна ответить на этот вызов, представ как совокупность научных дискурсов.

(3) Третий тезис имеет отношение к утилитарной концепции университета. Средневековый *Universitas*, в противоположность распространенному мнению, никогда не представлял собой

совокупное единство всех типов знания, а был простым объединением людей, учителей и учеников, занимающихся разными науками. Современная концепция университета в этом смысле более требовательна, поскольку она исходит из того, что в целом организация научных дисциплин и школ охватывает весь университет человеческого знания. Однако сегодня мы очень далеки от модели университета Вильгельма фон Гумбольдта и связанного с ней представления о ценности автономии знания при сохранении множественности наук. В наше время настойчиво претворяется в жизнь идея университета, который производит прикладное и практически полезное знание, а в обмен на государственные инвестиции способствует усвоению обществом соответствующих социально-экономических ценностей.

Распространено мнение, что формирование умов происходит лишь на низших ступенях образования, тогда как университеты должны лишь развивать профессиональные компетенции, полезные и социально продуктивные. В этом контексте чрезвычайно трудно однозначно определить современную роль философа. Впрочем, мало что изменилось со времен Платона, создавшего противоречивый портрет философа-мудреца. В «Тезтете» философ — это тот, кто должен «убежать отсюда как можно скорее» (176 а) для того, чтобы обратиться к интеллигибельной реальности. В диалоге «Государство» философ-мудрец предстает как истинный законодатель, способный создать справедливое общество. В «Федоне» он — тот, для кого не существуют телесные страдания, но кто существует лишь в спиритуалистическом пространстве души. «Тезтет» описывает его еще как маргинала, находящегося на границе обывательской жизни (172 с — 177 с) и обреченного не оказывать никакого влияния на течение политических процессов. В «Политике», напротив, философ — это тот, кто благодаря своему знанию основополагающих принципов и причин, совмещает управление и истинную «политическую науку».

Платоновский образ философа может быть описан через дихотомию участия и неучастия, через противопоставление фигуре философа, вовлеченного в жизнь государства, философа, находящегося как бы в стороне от нее, того, кто под прикрытием *skhōlē* может сосредоточиться на жизни духа. Утверждение этой дихотомии между вовлеченностью и не вовлеченностью оказывается для Платона возможным потому, что между ними, по его мнению, существует некое опосредующее звено, гарантирующее единство философской жизни: такова память, «воспоминание»

(*anamnesis*) идей, являющееся условием справедливой жизни и справедливой политики.

Однако если говорить о «ремесле» философа в отношении современного университета, то дело обстоит иначе. Наиболее полезный вклад сегодняшней философии связан с этикой и с участием философов в дискуссии по вопросам демократии, с развитием политической философии. «Бесполезная» философия, не обладающая какой-либо социальной ценностью, восходит к учености, к истории метафизики и истории идей. Исследование профессора университета Лавала Стивена Дэвиса (2000) показало, что наиболее предпочтительные области философского исследования в Канаде — этика и история философии, непосредственно связанные с *value theory*.

Должна ли сегодня философия задаваться вопросом о собственной социальной и политической ангажированности? На мой взгляд, не существует оппозиции между ученостью и действительностью. Мы обнаруживаем взаимозависимость между ними только для того, чтобы сделать понятной чрезвычайную актуальность философии и ее задачи, которую Гуссерль определил как «борьбу человечества за самопонимание». Если философия в принципе желает остаться открытой всей совокупности человеческого опыта, то для сохранения собственной значимости для общества ей необходимо, прежде всего, воссоздать свою историческую базу. Современная дискуссия о религии и светскости дает нам отличный тому пример. В этой области вклад политического философа неотделим от философской экспертизы религий, и именно философские средства познания позволяют избежать поспешных и резких суждений в этой сфере. К тому же экзистенциальные и метафизические опасения наших современников могут быть подкреплены лишь обращением к чрезвычайно широким символическим источникам истории философии. В этом смысле задачей философии является противостояние иллюзии абсолютности современной мысли. Я знаю, что это положение разделяют далеко не все, но я лично убежден, что философия, не имеющая собственного метода, обладает чем-то более ценным: у нее чрезвычайно богатая история, которая вместе с великими религиями составила сущностное основание наших символических концепций мира. Это целое наследие за исключением некоторых устаревших доктрин: оно выражается, прежде всего, в языке, в универсуме концептов, которые в процессе их длительной трансформации и трансляции, влияют, в том числе и на формирование

современных представлений. Если бы философия не обращалась к своей истории, то она рисковала бы в скором времени превратиться с плоское и плохо обоснованное знание.

(4) Кроме того, необходимо упомянуть еще об одном факторе трансформации университетского мира, который непременно скажется на образовании и исследованиях в области философии в ближайшее время: речь идет об интернационализации исследований и академическом номадизме, состоящем в том, что наши студенты для получения образования все чаще пользуются возможностями международной мобильности, кочуя от университета к университету. Международная мобильность сегодня значительно ослабляет традиционные границы *alma mater*, воссоединяющего университета; она способствует укреплению сотрудничества и более смелому использованию ресурсов между разными образовательными институциями. Канадские университеты в этом отношении до сих пор не проявили какой-либо оригинальности. Однако Канада находится в тысяче лье от Европы, которая уже десять лет развивает проекты университетских консорциумов, предлагая студентам совместные международные программы, в том числе, программы двойных дипломов, а также активизируя обмены между преподавателями, которые отныне «делят» студентов, а не борются за каждого из них. Когда мы задумываемся о том, что даже американские университеты «Лиги плюща»⁵ создают такие консорциумы, мы еще больше сожалеем о задержке Канады со вступлением в этот процесс перестройки университетского мира, который успешно идет за рубежом, но требует создания новых общих программ и новых способов аттестации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Cf.: *Gilson É. La philosophie au Moyen Âge.* — Paris: Payot. — P. 344; *Libera A. De. La philosophie médiévale.* — Paris: PUF (Quadrige-manuels), 1993. — P. 4 — 5, 16.

² *Bréhier É. Histoire de la philosophie. T. 1. Antiquité et Moyen Âge.* — Paris: PUF (Quadrige), 1983. — P. 488.

³ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. A 838 — 839/B 866 — 867.*

⁴ *Schlegel F. Philosophische Fragmente. Nr. 523 // Philos. Lehrjahre (1796 — 1806). Kritische Ausgabe / Hg. E. Behler (1958 sq.). 18. 72.*

⁵ «Лига Плюща» (Ivy League) — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на Северо-Востоке США (Прим. ред.).

Аннотация

Данная статья посвящена трансформациям, которые претерпевает в университете XXI века философия как образовательная дисциплина (и исследовательская область). Значение философии в наших университетах, более чем когда-либо ориентированных на технологические и экономические критерии эффективности, само по себе открыто для обсуждения. Среди прочего, стоит вопрос о том, как и кого нужно учить философии и какого рода исследования предпочтительнее вести с целью поддержания ее живой и критической взаимосвязи с другими науками.

Ключевые слова: будущее философии, новые образовательные и исследовательские подходы, философия в современных университетах.

Summary

This paper deals with the inevitable transformations of philosophy-teaching (and research) in the university of the 21st century. The relevance of philosophy in our universities, more than ever orientated towards technological and economic criteria of efficiency, is in itself open to debate. Among other things, it raises the question of how-and to whom- philosophy should be taught, and what research practices are most likely to maintain a fluid and critical communication with other sciences.

Keywords:

future of philosophy, new teaching and research approaches, philosophy in contemporary universities.

Перевод с французского А.В. Ястребцевой